

УДК: 159.9.07

doi: 10.11621/vsp.2022.01.07

СИТУАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ВЫНУЖДЕННОЙ САМОИЗОЛЯЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В.А. Мазилев¹, Е.А. Белан^{*2}

¹ Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, v.mazilov@yspu.org, <http://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

² Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, propedevtika00@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8529-8894>

* Автор, ответственный за переписку: propedevtika00@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена отсутствием социального опыта переживания ситуации вынужденной самоизоляции и необходимостью детального изучения общесоциальных и индивидуально-личностных последствий.

Исследование базируется на авторской концепции *ситуационной активности личности*, в основе которой лежит положение о личности как социальном субъекте, реализующей свою активность в зависимости от конкретных характеристик личностно-ситуационного взаимодействия, регулируемого социальным контекстом.

Цель исследования — описать и проанализировать ситуационную активность личности, пережившей ситуацию вынужденной самоизоляции

Исследование проведено с использованием авторской *методики* «Оценка ситуационной активности личности (ОСА). Измерение проводилось дважды в сентябре 2020 и в мае 2021 гг. *Выборку* первого измерения составили 130 человек: 37 мужчин и 93 женщины в возрасте 22–39 лет. *Выборка* для повторного измерения (30 испытуемых: 12 мужчин и 18 женщин) подбиралась стратифицировано на основании анализа данных первого измерения.

Анализ полученных результатов позволили сформулировать следующие выводы:

1. Ситуация вынужденной самоизоляции представляет собой жизненную трудность, вызывающую противоречия в восприятии личностью ее характеристик вследствие отсутствия устойчивых социальных норм переживания подобных событий.

2. Индивидуальная оценочная модель ситуации вынужденной самоизоляции характеризуется высокой интенсивностью составляющих физиоло-

гического компонента, гипертрофированностью ментального компонента и дисгармоничностью рефлексивного компонента ситуационной активности

3. Личность в большинстве случаев выбирает стратегии совладающего и гиперсовладающего типа ситуационной активности. При этом выбор стратегий гиперсовладания свидетельствует о крайнем расогласовании процессов личностно-ситуационного взаимодействия, что может рассматриваться в отдельных случаях как тенденция к формированию нежелательных социальных форм поведения.

Ключевые слова: личность, ситуация, категоризация ситуации, индивидуальная оценочная модель ситуации, совладание, гиперсовладание.

Для цитирования: Мазиллов В.А., Белан Е.А. Ситуационная активность личности в вынужденной самоизоляции: социально-психологический аспект // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 158–180. doi: 10.11621/vsp.2022.01.07

PERSONAL SITUATIONAL ACTIVITY IN FORCED SELF-ISOLATION: SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT

Vladimir A. Mazilov¹, Elena A. Belan^{*2}

¹ Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, v.mazilov@yspu.org, <http://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

² Kuban State University, Krasnodar, Russia, propedevtika00@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8529-8894>

*Corresponding author: propedevtika00@yandex.ru

The relevance of the study is due to the lack of social experience in a situation of forced self-isolation and the need for a detailed study of its general social and individual consequences.

The research is based on the authors' concept of situational activity of a person, which considers a person as a social subject who performs activity depending on the specific characteristics of personal-situational interaction regulated by the social context.

The purpose of the study is to describe and analyze the situational activity of a person who has experienced forced self-isolation.

Methods & sample. The study was conducted with the use of the author's inventory "Assessment of situational activity of a person" (ASA). The measurement was carried out twice: in September 2020 and in May 2021. The sample of the first measurement consisted of 130 people: 37 men and 93 women aged 22–39 years.

The sample for repeated measurement (30 subjects: 12 men and 18 women) was stratified and selected based on the analysis of the data of the first measurement.

The analysis allowed us to formulate **the conclusions**:

1. The situation of forced self-isolation is a life difficulty that causes contradictions in the perception of a person's characteristics due to the lack of stable social norms for experiencing such events.

2. The individual evaluation model of forced self-isolation is characterized by high intensity of the physiological component, hypertrophy of the mental component, and disharmony of the reflexive component of situational activity.

3. An individual in most cases chooses the strategies of coping and hyper-coping types of situational activity. At the same time, the choice of hyper-coping strategies indicates an extreme mismatch in the processes of personal-situational interaction, which can be considered in some cases as a trend to form undesirable social behaviors.

Key words: personality, situation, categorization of the situation, individual assessment model of the situation, coping, hyper-coping.

For citation: Mazilov, V.A., Belan, E.A. (2022) Personal Situational Activity in Forced Self-Isolation: Socio-Psychological Aspect. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1, P. 158–180. doi: 10.11621/vsp.2022.01.07

Введение

В 2020 г. нашему обществу пришлось столкнуться с исключительными жизненными обстоятельствами — вынужденной самоизоляцией. Необычность и неординарность этой жизненной ситуации обуславливает высокую актуальность изучения ее психологических особенностей: влияния социокультурного контекста на уровень воспринимаемого стресса (Зинченко, 2021), переживания ситуации и изменение поведенческих установок личности (Jetten, 2021); (Martarosh, 2020); неопределенности и отсутствия готовых решений личностно-ситуационного взаимодействия (Рассказова, 2020); (Anglim, 2020); дестабилизации эмоционального фона, ухудшения психического здоровья (Amin, 2020); (Cullen, 2020); (Meléndez, 2020); (Yamaguchi, 2020); изменения социальной нормативности поведения (Hult Khazaie, 2020); (Okabe-Miyamoto, 2021); (Rigotti, 2020); (Templeton, 2020); активации социально деструктивных форм поведения (Miller, 2020); ближайших и отдаленных психологических последствий для жизнедеятельности социума (Сидячева, 2020); (Zacher, 2020).

Исследование базируется на авторской концепции *ситуационной активности личности*, основанной на положении о личности как социальном субъекте, реализующей свою активность в зависимости от конкретных характеристик личностно-ситуационного взаимодействия, регулируемого социальным контекстом.

Важность учета ситуационного контекста в изучении социальной жизнедеятельности личности подчеркивается отечественными и зарубежными психологами (Гришина, 2011); (Коржова, 2015); (Петровский, 2010); (Росс, Нисбет, 2000); (Endsley, 1995). Жизненные ситуации содержат в себе своеобразные ориентиры: с одной стороны — так или иначе устоявшиеся в социальной практике модели и нормы поведения, с другой — оценочно отраженную в индивидуальном сознании совокупность характеристик наличной ситуации, определяющую индивидуальную поведенческую стратегию личности в социальном пространстве (Белан, 2015).

Основная цель исследования — описать и проанализировать ситуационную активность личности, пережившей ситуацию вынужденной самоизоляции (далее — ВС).

Дополнительно ставились следующие вопросы:

1. Каковы содержательные характеристики ситуации ВС?
2. Каковы индивидуально-оценочные характеристики ситуации ВС?
3. Каковы поведенческие характеристики ситуации ВС?
4. Как взаимосвязаны измеряемые показатели ситуации ВС?
5. Как меняются измеряемые показатели ситуации ВС в долгосрочной перспективе?

Организация и методический инструментарий исследования

Исследование проходило в два этапа. В сентябре 2020 г. выборку составили 130 рабочих и служащих учреждений и предприятий г. Краснодара и Краснодарского края (37 мужчин и 93 женщины в возрасте 22–39 лет). В мае 2021 г. — 30 испытуемых из числа принявших участие в первом исследовании (12 мужчин и 18 женщин). Подбор испытуемых осуществлялся стратифицировано на основании анализа данных первого измерения.

Основной метод исследования — опрос.

Предварительно испытуемые в свободной форме перечисляли содержательные характеристики ситуации ВС. Перед ними ставился вопрос: «Как Вы можете охарактеризовать ситуацию ВС? Укажите,

пожалуйста, одну или несколько наиболее важных, с Вашей точки зрения, характеристик». Эта процедура проводилась с целью активировать в индивидуальном сознании испытуемых собственный опыт переживания ситуации ВС и связанные с ней события, воспоминания, эмоциональные состояния и т.п.

Далее испытуемым была предложена авторская методика «Оценка ситуационной активности личности» (ОСА), позволяющая измерить 19 показателей:

- первичную категоризацию ситуации;
- три показателя физиологического компонента — силу активации субъекта (САС), модальность эмоциональных состояний субъекта (МЭСС), степень интенсивности эмоционального переживания (СИЭП);

- восемь показателей ментального компонента — общий уровень значимости ситуации (ОУЗС), степень желательности ситуации (СЖС), частоту повторяемости ситуации (ЧПС), давление (сила воздействия) ситуации (ДС), остаточное давление ситуации (ОДС), область воздействия ситуации (ОВС), плотность ситуации (ПС), качество целостного образа ситуации (КЦОС);

- шесть показателей рефлексивного компонента — степень привыкания субъекта к ситуации (СПСС), эффективность противодействия субъекта ситуации (ЭПСС), уровень подконтрольности ситуации субъекту (УПСС), пространственное соотношение субъекта и ситуации (ПССС), результативность применяемой поведенческой стратегии (РППС), эффективность применяемой поведенческой стратегии (ЭППС);

- показатель поведенческого компонента (предпочитаемую обобщенную поведенческую стратегию).

Показатели физиологического, ментального и рефлексивного компонентов измеряются по модели семантического дифференциала, то есть представляют собой шкалу прямого оценивания (от 1 — минимум до 10 — максимум выраженности показателя; зона умеренных значений 4–7). В совокупности они образуют индивидуальную оценочную модель ситуации (далее — ИОМ), определяющую предпочтение поведенческой стратегии (Белан, 2015).

Измерение первичной категоризации ситуации представляет собой категориальную шкалу из 3 категорий, соответствующих 3 основным классам жизненных ситуаций: повседневных, значимых и трудных (Белан, 2015).

Выбор предпочитаемой поведенческой стратегии осуществляется из формализованного списка, состоящего из 16 стратегий (по 4 обобщенных стратегии каждого типа ситуационной активности (далее ТСА): адаптивной, активно адаптивной, совладающей и гиперсовладающей).

Обобщенные стратегии (далее ОПС) содержательно отражают 4 формы поведения: реальное действие, эмоциональное действие, мыслительное (осмысливаемое) действие, отсутствие (воздержание от) действия. Тем самым, формулировки ОПС объединяют 2 стороны: содержательную и динамическую (соответствующую интенсивности определенного типа ситуационной активности). Полный список стратегий и развернутое описание методики представлено в монографии (Белан, 2015).

В исследовании применялись математические статистические методы — описательная статистика, анализ таблиц кросстабуляции по критерию V Крамера, анализ различий выраженности признака между связными выборками по критерию T Вилкоксона.

В целях получения валидных результатов анализ проводился отдельно для подвыборок мужчин и женщин.

Обсуждение результатов исследования

Содержательные характеристики ситуации ВС

Испытуемые назвали всего 487 характеристик ситуации ВС, которые были объединены нами в три группы:

1) макросоциальные — характеристики, связанные с реализацией привычной жизнедеятельности в социуме (например, существенное снижение материального благосостояния, невозможность пользоваться социальной инфраструктурой и т.п.);

2) микросоциальные — качество отношений с близкими, членами семьи; качество отношений с друзьями и знакомыми; выключение из референтного социума; изолированность;

3) персональные — эмоциональные (например, тревога о будущем, ощущение беспомощности и т.п.); физиологические (например, переживание ограничения свободы и т.п.); характеристики самоотношения и самооценки.

Как видно, ситуация ВС имеет преимущественно негативную представленность в индивидуальном сознании, что связано прежде всего с изменением привычных социальных условий реализации жизнедеятельности. Персональные характеристики также имеют

своей причиной изменение социальных взаимодействий личности. Особо отметим, что испытуемые называли определенные позитивные характеристики (например, временная радость по поводу дополнительных выходных) — общим количеством 52, что в процентном выражении относительно общего количества обозначенных характеристик (487) составляет 10,7%. Также показателен факт соседства позитивных и негативных характеристик в ответах испытуемых — ни один испытуемый не охарактеризовал ситуацию ВС как целиком позитивную.

В исследованиях ситуации пандемии других авторов также отмечается эмоциональная дестабилизация испытуемых, усиление психологического неблагополучия и существенное преобладание негативных эмоциональных состояний (Макарова, 2020); (Сидячева, 2020); (Сорокоумова, 2021); (Amin, 2020); (Anglim, 2020); (Meléndez, 2020 и др.).

Данные первичной категоризации ситуации ВС по методике «Оценка ситуационной активности личности (ОСА)» приведены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение испытуемых по частоте выбора первичной категоризации ситуации ВС (кол-во испытуемых, %)

Первичная категоризация ситуации	Мужчины	Женщины
Повседневная	7 (18,9)	27 (29,0)
Значимая	3 (8,1)	4 (4,3)
Трудная	27 (73,0)	62 (66,7)

Table 1

Distribution of respondents by the frequency of choice of the primary categorization of the situation of forced self-isolation (number of respondents, %)

Primary categorization of the situation	Men	Women
Ordinary	7 (18.9)	27 (29.0)
Significant	3 (8.1)	4 (4.3)
Hard	27 (73.0)	62 (66.7)

Подавляющее большинство испытуемых категоризировали ситуацию ВС как жизненную трудность. Однако некоторые испытуемые определили ее как повседневную, что вступает в противоречие преимущественно с негативной оценкой ситуации ВС и, вероятно, обусловлено отсутствием общесоциального опыта переживания подобных событий.

Анализ таблиц кросстабуляции по критерию V Крамера показал отсутствие различий в первичной категоризации ситуаций в подвыборках мужчин и женщин ($V_{эм} = 0,12$ для $p = 0,38$).

Индивидуально-оценочные характеристики ситуации ВС

Представим обобщенные графические схемы индивидуальных оценочных моделей (ИОМ) ситуации ВС, построенные по результатам первого измерения (использованы медианные значения).

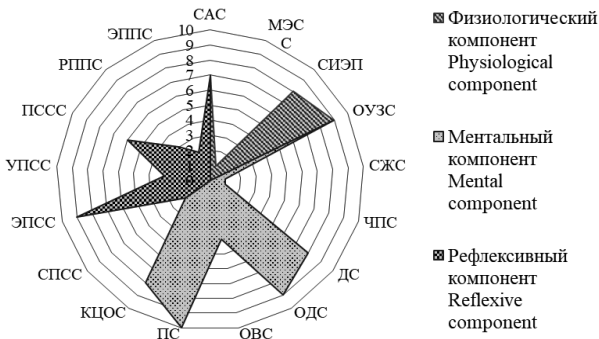


Рис. 1. ИОМ ситуации ВС в подвыборке мужчин

Fig. 1. Individual evaluation model of the situation of forced self-isolation in a subsample of men

Notes (here and further): САС — the power of activation of the subject; МЭСС — the modality of the emotional states of the subject; СИЭП — the degree of intensity of emotional experience; ОУЗС — the overall level of significance of the situation; СЖС — the degree of desirability of the situation; ЧПС — the frequency of repetition of the situation; ДС — pressure (force of influence) of the situation; ОДС — the residual pressure of the situation; ОВС — the area of influence of the situation; ПС — the density of the situation; КЦОС — the quality of the holistic image of the situation; СПСС — the degree of habituation of the subject to the situation; ЭПСС — the effectiveness of the counteraction of the subject of the situation; УПСС — the level of control of the situation to the subject; ПССС — spatial correlation of the subject and the situation; РППС — the effectiveness of the applied behavioral strategy; ЭППС — the effectiveness of the applied behavioral strategy.

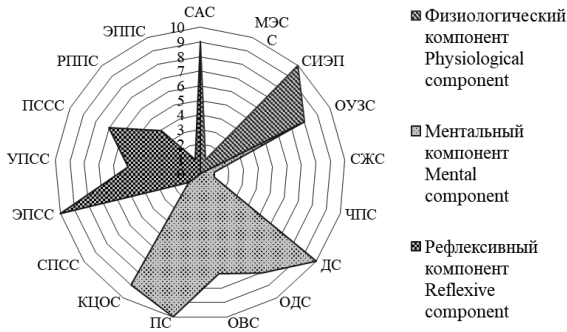


Рис. 2. ИОМ ситуации ВС в подвыборке женщин

Fig. 2. Individual evaluation model of the situation of forced self-isolation in a subsample of women; see the explanations to Fig. 1

Примечание к рис. 1 и 2: обозначения и последовательность показателей см. в разделе «Организация и методический инструментарий исследования».

Анализ рисунков 1 и 2 позволяет сделать вывод, что ИОМ ситуации ВС имеет особенности, характерные для трудной жизненной ситуации (Белан, 2015). Это выражается в рассогласованности составляющих физиологического, ментального и рефлективного компонентов, а именно: повышение активации субъекта в ответ на ситуационные требования, интенсивность дискомфортных эмоциональных состояний, значимость в сочетании крайней нежелательностью ситуации, высокий уровень давления, остаточного давления и плотности ситуации. Также характерны выраженное сопротивление в сочетании со слабой подконтрольностью ситуации субъекту, невозможность воспроизвести в памяти детали ситуации, сниженные результативность и эффективность применяемых поведенческих стратегий.

Поведенческие характеристики ситуации ВС

Результаты исследования предпочтения стратегий разных типов ситуационной активности (далее — ТСА) приведены в табл. 2.

Подавляющее большинство испытуемых в обеих подвыборках выбирают стратегии совладающего и гиперсовладающего ТСА. Примечателен достаточно высокий процент стратегий гиперсовладающего типа, выступающих показателем крайнего обострения рассогласования процессов личностно-ситуационного взаимодействия и индикатором потенциальной готовности личности к социально

неодобряемым формам поведения, а также к нарушению социальных норм (Белан, 2015). Тенденция проявления социально нежелательных форм поведения в ситуации пандемии отмечается и другими исследователями (Miller, 2020; Rigotti, 2020).

Таблица 2

Распределение испытуемых по частоте выбора стратегий ТСА
(кол-во испытуемых, %)

Тип ситуационной активности (ТСА)	Мужчины	Женщины
Адаптивный	7 (18,9)	6 (6,5)
Активно адаптивный	3 (8,1)	16 (17,2)
Совладающий	16 (43,2)	42 (45,2)
Гиперсовладающий	11 (29,7)	29 (31,2)

Table 2

Distribution of subjects by the frequency of choosing strategies of the type of situational activity (number of respondents, %)

Type of situational activity (TSA)	Men	Women
Adaptive	7 (18.9)	6 (6.5)
Actively adaptive	3 (8.1)	16 (17.2)
Coping	16 (43.2)	42 (45.2)
Hyper-coping	11 (29.7)	29 (31.2)

Анализ таблиц кросстабуляции по критерию V Крамера показал отсутствие различий в предпочтении стратегий разных ТСА ($V_{эмт} = 0,21$ для $p = 0,13$).

Результаты исследования предпочтения ОПС приведены в табл. 3.

Таблица 3

Распределение испытуемых по частоте выбора ОПС
(кол-во испытуемых, %)

Обобщенная поведенческая стратегия	Мужчины	Женщины
Реальное действие	2 (5,4)	20 (21,5)
Эмоциональное действие	14 (37,8)	36 (38,7)
Мыслительное действие	6 (16,2)	14 (15,1)
Отказ от действия	15 (40,5)	23 (24,7)

Table 3

Distribution of subjects by the frequency of choosing a generalized behavioral strategy (number of respondents, %)

Generalized behavioral strategy	Men	Women
Real action	2 (5.4)	20 (21.5)
Emotional action	14 (37.8)	36 (38.7)
Mental action	6 (16.2)	14 (15.1)
Inaction	15 (40.5)	23 (24.7)

Большинство испытуемых в ситуации ВС выбирают эмоционально ориентированные поведенческие стратегии, а также предпочитают воздерживаться от каких-либо реальных действий. Такой выбор обусловлен отсутствием устойчивых социальных норм поведения в подобных ситуациях. Сходные характеристики поведенческих стратегий в ситуации пандемии выявлены и другими авторами (Расказова, 2020); (Zacher, 2020, и др.).

Анализ таблиц кросстабуляции по критерию V Крамера показал различия в предпочтении ОПС на уровне статистической тенденции ($V_{эми} = 0,22$ для $p = 0,09$). При этом испытуемые мужчины склонны чаще выбирать стратегии отказа от действия, а женщины — эмоциональное реагирование на ситуацию.

Анализ взаимосвязей измеряемых показателей ситуации ВС

Выявлено, что первичная категоризация ситуации ВС у ряда испытуемых не совпадает с фактической индивидуальной оценочной моделью.

Так, у мужчин 71,4% ситуаций, первоначально оцененных как повседневные и 66,7% как значимые, имеют показатели ИОМ, характерные для трудных ситуаций (у женщин 77,8% и 100% соответственно). То есть, у большинства испытуемых ситуация ВС представлена в индивидуальном сознании как жизненная трудность вне зависимости от первичной категоризации.

Представим результаты статистического анализа таблиц кросстабуляции по критерию V Крамера:

1. Корреляции между первичной категоризацией ситуации и ТСА не выявлено (у мужчин $V_{эми} = 0,34$ для $p = 0,21$; у женщин $V_{эми} = 0,22$ для $p = 0,20$).

2. Корреляции между ИОМ ситуации и ТСА также не выявлено (у мужчин $V_{эми} = 0,18$ для $p = 0,74$; у женщин $V_{эми} = 0,09$ для $p = 0,87$),

то есть ТСА в большей степени определяются отдельными характеристиками ситуации ВС.

3. Корреляции между первичной категоризацией ситуации и ОПС не выявлено (у мужчин $V_{эмп} = 0,18$ для $p = 0,44$; у женщин $V_{эмп} = 0,19$ для $p = 0,84$), поскольку вне зависимости от первичной категоризации испытуемые предпочитают стратегии эмоционального действия и отказа от действия.

4. Корреляции между ТСА и ОПС не выявлено (у мужчин $V_{эмп} = 0,12$ для $p = 0,89$; у женщин $V_{эмп} = 0,29$ для $p = 0,39$), поскольку независимо от ТСА и мужчины, и женщины предпочитают стратегии эмоционального действия и отказа от действия.

5. Выявлена корреляция между ИОМ ситуации и ОПС (у мужчин $V_{эмп} = 0,45$ для $p = 0,05$; у женщин $V_{эмп} = 0,58$ для $p = 0,00$). При этом переживание ситуации как повседневной обуславливает стратегии бездействия, а ощущение жизненной трудности активирует эмоциональное действие.

Минимальное количество корреляций свидетельствует о высокой степени рассогласованности личностно-ситуационного взаимодействия. Это подтверждает наш предварительный вывод о несформированности социальных норм переживания ситуаций ВС и ее выраженной трудности и эмоциогенности вследствие серьезных ограничений привычного хода социальной жизнедеятельности личности.

Анализ динамики измеряемых показателей ситуации ВС

Данные повторного измерения (в мае 2021 г.) приведены в табл. 4.

Таблица 4

**Данные повторного измерения показателей ситуации ВС
(кол-во испытуемых, %)**

Показатели	Категория	Мужчины	Женщины
Первичная категоризация ситуации	Повседневная	4 (33,3)	7 (38,8)
	Значимая	0 (0)	1 (5,6)
	Трудная	8 (66,7)	10 (55,6)
Тип ситуационной активности	Адаптивный	2 (16,7)	2 (11,1)
	Активно адаптивный	0 (0)	1 (5,6)
	Совладающий	7 (58,3)	10 (55,6)
	Гиперсовладающий	3 (25,0)	5 (27,8)

Показатели	Категория	Мужчины	Женщины
Обобщенная поведенческая стратегия	Реальное действие	1 (8,3)	4 (22,2)
	Эмоциональное действие	3 (25,0)	5 (27,8)
	Мыслительное действие	3 (25,0)	3 (16,7)
	Отказ от действия	5 (41,7)	6 (33,3)

Table 4

Data of repeated measurement of indicators of the situation of forced self-isolation (number of subjects, %)

Indicators	Category	Men	Women
Primary categorization of the situation	Ordinary	4 (33.3)	7 (38.8)
	Significant	0 (0)	1 (5.6)
	Hard	8 (66.7)	10 (55.6)
Type of situational activity	Adaptive	2 (16.7)	2 (11.1)
	Actively adaptive	0 (0)	1 (5.6)
	Coping	7 (58.3)	10 (55.6)
	Hyper-coping	3 (25.0)	5 (27.8)
Generalized behavioral strategy	Real action	1 (8.3)	4 (22.2)
	Emotional action	3 (25.0)	5 (27.8)
	Mental action	3 (25.0)	3 (16.7)
	Inaction	5 (41.7)	6 (33.3)

Как видно из сравнения данных п. 1 и 4 количественная выраженность показателей изменились несущественно.

Однако у всех испытуемых, принявших участие в повторном измерении изменился хотя бы один категориальный показатель ситуации ВС. Для оценки достоверности различий показателей ИОМ ситуации ВС мы провели статистический анализ по критерию *T* Вилкоксона.

Несмотря на достоверную динамику большинства измеренных показателей, содержательно характеристики ситуации ВС существенно не изменились. Сходные выводы об отсутствии улучшений с течением времени сделаны и другими исследователями (см. — Зинченко, 2021).

Таблица 5

Результаты статистического анализа по критерию T Вилкоксона

Показатель индивидуальной оценочной модели ситуации		Результаты статистического анализа сравнения 1 и 2 замеров (p-уровень значимости)	
		Мужчины	Женщины
Физиологический компонент	САС	0,03* (-)	0,01* (-)
	МЭСС	0,02* (+)	0,02*(+)
	СИЭП	0,01* (-)	0,01* (-)
Ментальный компонент	ОУЗС	0,65	0,00* (-)
	СЖС	0,28	1,00
	ЧПС	1,00	0,41
	ДС	0,02* (+)	0,02*(+)
	ОДС	0,05* (+)	0,41
	ОВС	0,02* (-)	0,01* (-)
	ПС	0,04* (-)	1,00
Рефлективный компонент	КЦОС	0,10** (+)	1,00
	СПСС	0,03* (-)	0,02* (-)
	ЭПСС	0,01* (-)	0,01* (-)
	УПСС	0,01* (-)	0,00* (-)
	ПССС	0,01* (-)	0,00* (-)
	РППС	1,00	0,76
	ЭППС	0,01* (+)	0,01* (+)

Table 5

The results of statistical analysis (T Wilcoxon)

Indicators of an individual assessment model of the situation		Results of statistical analysis of comparison of 1 and 2 measurements (p-significance)	
		Men	Women
Physiological component	PAS	0.03* (-)	0.01* (-)
	MESS	0.02* (+)	0.02*(+)
	DIEE	0.01* (-)	0.01* (-)

Indicators of an individual assessment model of the situation		Results of statistical analysis of comparison of 1 and 2 measurements (p-significance)	
		Men	Women
Mental component	GSS	0.65	0.00* (-)
	DDS	0.28	1.00
	FRS	1.00	0.41
	PS	0.02* (+)	0.02*(+)
	RPS	0.05* (+)	0.41
	AIS	0.02* (-)	0.01* (-)
	DS	0.04* (-)	1.00
	QHIS	0.10** (+)	1.00
Reflexive component	DHSS	0.03* (-)	0.02* (-)
	ECSS	0.01* (-)	0.01* (-)
	LCSS	0.01* (-)	0.00* (-)
	SCSS	0.01* (-)	0.00* (-)
	RABS	1.00	0.76
	EABS	0.01* (+)	0.01* (+)

Примечание: * обозначены достоверно значимые различия; ** обозначены различия на уровне статистической тенденции; (+) уровень выраженности показателя повысился; (-) уровень выраженности показателя понизился; последовательность и расшифровка показателей см. в разделе «Организация и методический инструментарий исследования».

Представим обобщенные графические схемы ИОМ ситуации ВС, построенные по результатам повторного измерения (использованы медианные значения).

Сравнение рисунков 1 и 3, а также 2 и 4 демонстрирует очевидное сходство ИОМ ситуации ВС при первичном и повторном измерении. Тем самым, несмотря на значительные и достоверные внутривыборочные изменения измеряемых показателей, ситуация ВС имеет те же совокупные характеристики, что и при первичном измерении. Этот противоречивый факт, обусловлен динамической фазой когнитивной работы личности по осознанию собственного опыта переживания изучаемой ситуации.

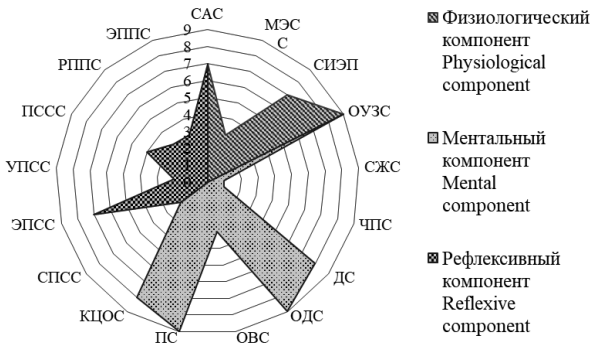


Рис. 3. ИОМ ситуации ВС в подвыборке мужчин (повторный замер)

Fig. 3. Individual evaluation model of the situation of forced self-isolation in a subsample of men (second measurement); see the explanations to Fig. 1

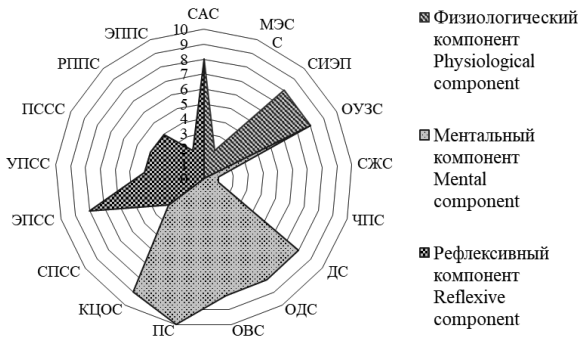


Рис. 4. ИОМ ситуации ВС в подвыборке женщин (повторный замер)

Fig. 4. Individual evaluation model of the situation of forced self-isolation in a subsample of women (second measurement); see the explanations to Fig. 1

Примечание к рис. 3 и 4: последовательность и расшифровка показателей см. в разделе «Организация и методический инструментарий исследования».

Наш вывод подкреплен мнением отечественных и зарубежных авторов, подчеркивающих особую роль когнитивных усилий личности в ситуациях неопределенности, а именно: значимости понимания ситуации и осознания деталей образа ситуации (Битюцкая, 2020); роста динамики внутреннего осмысления в ответ на изменения наличной ситуации (Колантаевская, 2016); отсутствия устоявшихся

целостных представлений о ситуации, что мешает освоению новых форм поведения (Макарова, 2020); повышения потребности обобщать полученные знания о ситуации (Сорокоумова, 2021); нарушения устойчивости когнитивных представлений и привычности поведения вследствие непредсказуемости ситуации (Trzebiński, 2020); оценки ситуационных влияний для стабилизации субъективного благополучия (Zacher, 2020).

Результаты статистического анализа таблиц кросстабуляции по критерию V Крамера также показал сходную картину:

1. Корреляции между первичной категоризацией ситуации и ТСА не выявлено (у мужчин $V_{эмп} = 0,59$ для $p = 0,12$; у женщин $V_{эмп} = 0,33$ для $p = 0,69$).

2. Выявлена корреляция между первичной категоризацией ситуации и ОПС на уровне статистической тенденции (у мужчин $V_{эмп} = 0,74$ для $p = 0,08$; у женщин $V_{эмп} = 0,58$ для $p = 0,06$). При этом, оценка ситуации как повседневной у мужчин соответствуют стратегии отказа от действия, у женщин — стратегии эмоционального действия; как трудной — стратегии эмоционального или мыслительного действия (мужчины) стратегии отказа от действия (женщины).

3. Корреляции между ТСА и ОПС не выявлено (у мужчин $V_{эмп} = 0,46$ для $p = 0,54$; у женщин $V_{эмп} = 0,49$ для $p = 0,14$), поскольку испытуемые используют весь диапазон поведенческих стратегий совладающего типа активности. Для гиперсовладающего типа ситуационной активности по-прежнему остаются актуальными стратегии эмоционального действия или отказа от действия в обеих подвыборках.

Таким образом, изменение восприятия ситуации ВС в индивидуальном сознании испытуемых находится в динамической фазе, содержательные индикаторы ситуации еще не установились и проходят стадию формирования.

Выводы

Проведенный анализ позволяет получить представление об актуальном состоянии проблемы ситуационной активности личности в вынужденной самоизоляции. Это жизненная трудность, вызывающая противоречия в восприятии личностью ее характеристик вследствие отсутствия устойчивых социальных норм переживания подобных событий. Такие ситуации нарушают привычный ход жизнедеятельности в макро- и микросоциуме, негативно трансформируют эмоциональное и физиологическое благополучие, а также самоотношение

личности, обусловленное ограничением фактического социального взаимодействия.

Индивидуальная оценочная модель ситуации вынужденной самоизоляции характеризуется: 1) высокой интенсивностью составляющих физиологического компонента ситуационной активности (что говорит о том, что, возможно, личностью исчерпаны доступные индивидуальные, социальные и иные ресурсы для оптимального режима осуществления социальной жизнедеятельности); 2) гипертрофированностью ментального компонента (что говорит об интенсивности когнитивных усилий личности по осознанию происходящих событий); 3) дисгармоничностью рефлексивного компонента (что говорит о нарушении процессов личностно-ситуационного взаимодействия и, как следствие — формировании противоречивого опыта проживания подобных ситуаций, который в будущем может приводить к дестабилизации социальной активности личности).

В ситуации вынужденной самоизоляции личность в большинстве случаев выбирает стратегии совладающего и гиперсовладающего типа ситуационной активности. При этом, выбор стратегий гиперсовладания свидетельствует о крайнем рассогласовании процессов личностно-ситуационного взаимодействия, что может рассматриваться в отдельных случаях как тенденция к формированию нежелательных социальных форм поведения. В подобных ситуациях личность минимально использует стратегии реального действия, максимально ориентируясь на эмоциональное отреагирование. Также показателен отказ от каких-либо действий (причиной чему, на наш взгляд, является несформированность устойчивых общесоциальных норм поведения в подобных ситуациях). Это обосновывает необходимость выработки специализированных критериев социально-психологического сопровождения личности в подобных ситуациях.

Эмпирически доказано, что в настоящее время личность не имеет целостного восприятия ситуации вынужденной самоизоляции, что выражается как в минимальном количестве взаимосвязей между компонентами ситуационной активности, так и в нестабильности оценивания ситуационных характеристик личностью, которые прослеживаются в долгосрочной перспективе. Тем самым, социально-психологическая проблематика ситуации вынужденной самоизоляции представляется максимально актуальной и нуждается в интенсивном изучении и осмыслении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белан Е.А., Худик В.А. Психологические особенности оценивания жизненных ситуаций взрослыми: монография. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2015.

Битюцкая Е.В. Структура и динамика образа трудной жизненной ситуации // Вопросы психологии. 2020. Т. 66, № 3. С. 116–131.

Гришина Н.В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования. Научный электронный журнал. 2011. № 3 (17). [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/491-grishina17.html>

Зинченко Ю.П., Салагай О.О., Шайгерова Л.А., Алмазова О.В., Долгих А.Г., Ваханцева О.В. Восприятие стресса различными категориями медицинского персонала во время первой волны пандемии COVID-19 в России // Общественное здоровье. 2021. № 1 (1). С. 65–89.

Колантаевская А.С., Гришина Н.В., Базаров Т.Ю. Стилевые особенности самодетерминации в ситуации жизненных изменений // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 4. С. 51–62.

Коржова Е.Ю. Введение в психологию жизненных ситуаций. СПб.: Общество памяти и глумлений Таисии, 2015.

Макарова Е.Ю., Цветкова Н.А. Психологические особенности реакций на стресс, обусловленный режимом самоизоляции в период пандемии COVID-19 // E-Scio. 2020. № 10. С. 145–157.

Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.

Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 2. С. 90–108.

Росс Л., Нисбет Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 2000.

Сидячева Н.В., Зотова Л.Э. Ситуация вынужденной самоизоляции в период пандемии: психологический и академический аспекты // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 5. С. 218–225.

Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И. Смысложизненные установки в понимании ситуации самоизоляции в период пандемии COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2021. Т. 1. № 1. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smyslozhiznennye-ustanovki-v-ponimanii-situatsii-samoizolyatsii-v-period-pandemii-covid-19>.

Amin, S. (2020). The psychology of coronavirus fear: Are healthcare professionals suffering from corona-phobia? *International Journal of Healthcare Management*, 13 (3), 249–256.

Anglim, J., & Horwood, S. (2020). Effect of the COVID-19 Pandemic and Big Five Personality on Subjective and Psychological Well-Being. *Social Psychological and Personality Science*, 1948550620983047.

Cullen, W., Gulati, G., & Kelly, B.D. (2020). Mental health in the COVID-19 pandemic. *QJM: An International Journal of Medicine*, 113 (5), 311–312.

Endsley, M.R. (1995). Toward a theory of situation awareness in dynamic systems. *Human factors*, 37 (1), 32–64.

Hult Khazaie, D., & Khan, S.S. (2020). Social psychology and pandemics: Exploring consensus about research priorities and strategies using the Delphi method. *Asian Journal of Social Psychology*, 23 (4), 363–371.

Jetten, J., Bentley, S.V., Crimston, C.R., Selvanathan, H.P., & Haslam, S.A. (2021). COVID-19 and social psychological research: A silver lining. *Asian Journal of Social Psychology*, 24 (1), 34–36.

Marmarosh, C.L., Forsyth, D.R., Strauss, B., & Burlingame, G.M. (2020). The psychology of the COVID-19 pandemic: A group-level perspective. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 24 (3), 122–138.

Meléndez, J.C., Satorres, E., Reyes-Olmedo, M., Delhom, I., Real, E., & Lora, Y. (2020). Emotion recognition changes in a confinement situation due to COVID-19. *Journal of Environmental Psychology*, 72, 101518.

Miller, E.D. (2020). The COVID-19 pandemic crisis: The loss and trauma event of our time. *Journal of Loss and Trauma*, 25 (6–7), 560–572.

Okabe-Miyamoto, K., Folk, D., Lyubomirsky, S., & Dunn, E.W. (2021). Changes in social connection during COVID-19 social distancing: It's not (household) size that matters, it's who you're with. *Plos one*, 16 (1), e0245009.

Rigotti, T., De Cuyper, N., & Sekiguchi, T. (2020). The Corona Crisis: What Can We Learn from Earlier Studies in Applied Psychology? *Applied Psychology-An International Review-Psychologie Appliquee-Revue Internationale*, 69 (3), 1–6.

Templeton, A., Guven, S.T., Hoerst, C., Vestergren, S., Davidson, L., Ballentyne, S., ... & Choudhury, S. (2020). Inequalities and identity processes in crises: Recommendations for facilitating safe response to the COVID-19 pandemic. *British Journal of Social Psychology*, 59 (3), 674–685.

Trzebiński, J., Cabański, M., & Czarnecka, J.Z. (2020). Reaction to the COVID-19 pandemic: the influence of meaning in life, life satisfaction, and assumptions on world orderliness and positivity. *Journal of Loss and Trauma*, 25 (6–7), 544–557.

Yamaguchi, K., Takebayashi, Y., Miyamae, M., Komazawa, A., Yokoyama, C., & Ito, M. (2020). Role of focusing on the positive side during COVID-19 outbreak: Mental health perspective from positive psychology. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12 (1), 49–50.

Zacher, H., & Rudolph, C.W. (2020). Individual differences and changes in subjective wellbeing during the early stages of the COVID-19 pandemic. *American Psychologist*. 76 (1), 50–62.

REFERENCES

Belan, E.A., Khudik, V.A. (2015). *Psychological features of the assessment of life situations by adults: monografiya*. Saint Petersburg: Izd-vo Politekhnicheskogo un-ta. (In Russ.).

Bityutskaya, E.V. (2020). Structure and dynamics of the image of the working life situation. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 3, 116–131. (In Russ.).

Grishina, N.V. (2011). Life values: normativity and individualization. *Psikhologicheskie issledovaniya. Nauchnyi elektronnyi zhurnal (Psychological research. Scientific electronic Journal)*, 3 (17). (Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/491-grishina17.html>). (In Russ.).

Zinchenko, Yu.P., Salagai, O.O., Shaigerova, L.A., Almazova, O.V., Dolgikh, A.G., Vakhantseva, O.V. (2021). Perception of stress by various categories of medical personnel during the first COVID-19 free pandemic in Russia. *Obshchestvennoe zdorov'e (Public health)*, 1 (1), 65–89. (In Russ.).

Kolantaevskaya, A.S., Grishina, N.V., Bazarov, T.Yu. (2016). Stylistic features of self-determination in a situation of life changes. *Vestnik SPbGU. Ser. 16. Psikhologiya. Pedagogika (Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 16. Psychology. Pedagogy)*, 4, 51–62. (In Russ.).

Korzhova, E.Yu. (2015). *Introduction to the psychology of life situations*. Saint Petersburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii. (In Russ.).

Makarova, E.Yu., Tsvetkova, N.A. (2020). Psychological features of the response to stress caused by the self-isolation regime during the COVID-19 pandemic. *E-Scio (E-Scio)*, 10, 145–157. (In Russ.).

Petrovskii, V.A. (2010). *Man over situations*. Moscow: Smysl. (In Russ.).

Rasskazova, E.I., Leont'ev, D.A., Lebedeva, A.A. (2020). The pandemic as a lyric under the “effective good”: anxiety and coping. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya (Counseling psychology and psychotherapy)*, 28 (2), 90–108. (In Russ.).

Ross, L., Nisbet, R. (2000). *The person and the situation. Social Psychology lessons*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.).

Sidyacheva, N.V., Zotova, L.E. (2020). The situation of forced self-isolation during the pandemic: psychological and academic aspects. *Sovremennyye naukoemkie tekhnologii (Modern high-tech technologies)*, 5, 218–225. (In Russ.).

Sorokoumova, E.A., Cherdymova, E.I. (2021). Meaningful attitudes in understanding the situation of self-isolation during the COVID-19 pandemic. *Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i acme (Psychological problems of the meaning of life and acme)*, 1 (1). (Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/smyslozhiznennyye-ustanovki-v-ponimanii-situatsii-samoizolyatsii-v-period-pandemii-covid-19>). (In Russ.).

Amin, S. (2020). The psychology of coronavirus fear: Are healthcare professionals suffering from corona-phobia? *International Journal of Healthcare Management*, 13 (3), 249–256.

Anglim, J., & Horwood, S. (2020). Effect of the COVID-19 Pandemic and Big Five Personality on Subjective and Psychological Well-Being. *Social Psychological and Personality Science*, 1948550620983047.

Cullen, W., Gulati, G., & Kelly, B.D. (2020). Mental health in the COVID-19 pandemic. *QJM: An International Journal of Medicine*, 113 (5), 311–312.

Endsley, M.R. (1995). Toward a theory of situation awareness in dynamic systems. *Human factors*, 37 (1), 32–64.

Hult Khazaie, D., & Khan, S.S. (2020). Social psychology and pandemics: Exploring consensus about research priorities and strategies using the Delphi method. *Asian Journal of Social Psychology*, 23 (4), 363–371.

Jetten, J., Bentley, S.V., Crimston, C.R., Selvanathan, H.P., & Haslam, S.A. (2021). COVID-19 and social psychological research: A silver lining. *Asian Journal of Social Psychology*, 24 (1), 34–36.

Marmarosh, C.L., Forsyth, D.R., Strauss, B., & Burlingame, G.M. (2020). The psychology of the COVID-19 pandemic: A group-level perspective. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 24 (3), 122–138.

Meléndez, J.C., Satorres, E., Reyes-Olmedo, M., Delhom, I., Real, E., & Lora, Y. (2020). Emotion recognition changes in a confinement situation due to COVID-19. *Journal of Environmental Psychology*, 72, 101518.

Miller, E.D. (2020). The COVID-19 pandemic crisis: The loss and trauma event of our time. *Journal of Loss and Trauma*, 25 (6–7), 560–572.

Okabe-Miyamoto, K., Folk, D., Lyubomirsky, S., & Dunn, E.W. (2021). Changes in social connection during COVID-19 social distancing: It's not (household) size that matters, it's who you're with. *Plos one*, 16 (1), e0245009.

Rigotti, T., De Cuyper, N., & Sekiguchi, T. (2020). The Corona Crisis: What Can We Learn from Earlier Studies in Applied Psychology? *Applied Psychology—An International Review—Psychologie Appliquée—Revue Internationale*, 69 (3), 1–6.

Templeton, A., Guven, S.T., Hoerst, C., Vestergren, S., Davidson, L., Ballentyne, S., ... & Choudhury, S. (2020). Inequalities and identity processes in crises: Recommendations for facilitating safe response to the COVID-19 pandemic. *British Journal of Social Psychology*, 59 (3), 674–685.

Trzebiński, J., Cabański, M., & Czarnecka, J.Z. (2020). Reaction to the COVID-19 pandemic: the influence of meaning in life, life satisfaction, and assumptions on world orderliness and positivity. *Journal of Loss and Trauma*, 25 (6–7), 544–557.

Yamaguchi, K., Takebayashi, Y., Miyamae, M., Komazawa, A., Yokoyama, C., & Ito, M. (2020). Role of focusing on the positive side during COVID-19 outbreak: Mental health perspective from positive psychology. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 12 (1), 49–50.

Zacher, H., & Rudolph, C.W. (2020). Individual differences and changes in subjective wellbeing during the early stages of the COVID-19 pandemic. *American Psychologist*. 76 (1), 50–62.

Поступила в редакцию 19.07.2021

Принята к публикации 20.09.2021

Отредактирована 17.10.2021

Received 19.07.2021

Accepted 20.09.2021

Revised 17.10.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мазиллов Владимир Александрович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия

v.mazilov@yspu.org, <http://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Белан Елена Альбертовна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры философии, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

propedevtika00@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8529-8894>

ABOUT AUTHORS

Vladimir A. Mazilov — Doctor of Psychology, Full Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia

v.mazilov@yspu.org, <http://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Elena A. Belan — PhD of Psychology, Associate Professor of the Department of Philosophy, Kuban State University, Krasnodar, Russia

propedevtika00@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8529-8894>